

В ШКОЛУ

Война пришла на Смоленщину. В большом селе Клушино, что под городом Гжатском, решили эвакуировать колхозное стадо. «Эвакуировать» — было новое и трудное слово, которое никому не удавалось произнести, «вкюировать» — говорили со вздохом. И всё-таки первый школьный день клушинцы обставляли торжественно. Какое бы ни свирепствовало лихо, этот день должен был остаться в памяти новобранцев учёбы добром и светом. Школу украсили зелёными ветками и написанными мелом лозунгами, ребят докрасна намаyli в баньках, одели во всё новое.

Анна Тимофеевна с особой теплотой вспоминает, как снаряжала сына в школу. Она напекла ему толстых ржаных блинов и, завернув в газету, уложила вместе с тетрадками и учебниками в самодельный, обтянутый козелком ранец. Дом Гагариных находился далеко от школы, в другом конце длиннющей, с заворотом, деревенской улицы, и Юре даже на большой перемене не поспеть к домашнему обеду. Намытый, наутюженный, с расчёсанной волосок к волоску головой, он то и дело спрашивал мать:

— Ты всё положила?

— Всё, всё, сынок. Надевай-ка свою амуницию.

От волнения он никак не мог попасть в лямки ранца. Анна Тимофеевна взяла сыновью руку, такую тоненькую, хрупкую, что у неё сердце испуганно захолонуло от любви и жалости, и просунула в ременную петлю.

Юра нахлобучил фуражку и решительно шагнул за дверь.

— Не балуйся, сынок, слушайся учителей, — сказала она вдогонку.

Анна Тимофеевна вышла на улицу. Школу отсюда не видать, скрыта за церковью и погостом. На стенах церкви, кладбищенской ограде и крыльце соседствующего с храмом сельсовета наклеены плакаты войны. Анна Тимофеевна помнила их наизусть: «Смерть немецким оккупантам!», «Родина-мать зовёт!», «Будь героем!», «Ни шагу назад!». По другую руку, за околицей, с десяток деревенских жителей призывного возраста под командой ветерана-инвалида занимались шагистикой и разучиванием ружейных приёмов. Боевого оружия в наличии не имелось, кроме учебной винтовки с просверлённым во избежание выстрела патронником, и ратники обходились гладко обструганными палками. Трудно верилось, что это клушинское воинство сумеет остановить вооружённого до зубов неприятеля.

Прихрамывая, подошёл Алексей Иванович. Его костистое лицо притемнилось.

— Не берут, чтоб им повылазило! — проговорил в сердцах. — Как сруб сгонять, так Гагарин, а как Отечество защищать — пошёл вон!

— Будет тебе, Алёша, — печально сказала Анна Тимофеевна, — не минует тебя эта война.

— И то правда! — вздохнул Гагарин. — Люди сказывают, он к самой Вязьме вышел.

— Неужто на него управы нету?

— Будет управа в свой час.

— Когда ж он настанет, этот час?

— Когда народ терпеть утомится...

Незадолго перед окончанием занятий Анна Тимофеевна, гонимая тем же чувством тревоги и печали, пошла к школе. Думала встретить сына по пути, но первый учебный день что-то затянулся. Она оказалась у широких, низких школьных окон, когда конопатая девочка из соседней деревни, заикаясь и проглатывая слова, читала стихотворение про Бармалея.

Потом настал черёд толстого, молочного мальчика, похожего на мужичка с ноготок. Он вышел к столу учительницы, аккуратно одёрнул свой серый пиджачок, откашлялся и сказал, что любимого стихотворения у него нету.

— Ну так прочти какое хочешь, — улыбнулась учительница Ксения Герасимовна, — пусть и нелюбимое.

Толстый мальчик снова одёрнул пиджачок, прочистил горло и сказал, что нелюбимого стихотворения тоже прочесть не может: на кой ему было запоминать нелюбимые стихи?

Он вернулся на своё место, ничуть не смущённый хихиканьем класса, и тут же принялся что-то жевать, осторожно добывая пищу из парты. Ксения Герасимовна вызвала Гагарина. Она ещё не договорила фамилии, а Юра выметнулся из-за парты и стремглав — к учительскому столу.

— Моё любимое стихотворение! — объявил он звонко. Анна Тимофеевна понимала радость и нетерпение сына.

Юра любил стихи про лётчиков, самолёты, небо и раз даже выступал в Гжатске на районном смотре самодеятельности и заслужил там книжку Маршака и Почётную грамоту. Но он не стал читать стихотворение, принёсшее ему гжатский триумф, и Анне Тимофеевне понравилось, что он не прельстился готовым успехом.

Мой милый товарищ, мой лётчик,
Хочу я с тобой поглядеть,
Как месяц по небу кочует,
Как по лесу бродит медведь.
Давно мне наскучило дома...
Давно мне наскучило дома...
Давно мне наскучило дома...

— Что ты как испорченная пластинка? — прервала учительница. — Давай дальше.

— «Давно мне наскучило дома...» — сказал Юра каким-то затухающим голосом.

Класс громко рассмеялся. Юра поглядел возмущённо на товарищей, сердито — на учительницу, и тут пронзительно прозвенел звонок — вестник освобождения.

— Ну, хоть тебе и наскучило дома, а придётся идти домой, — улыбнулась Ксения Герасимовна. — Наш первый школьный день окончен.

Ребята захлопали крышками парт. — Не разбегаться! — остановила их учительница. — Постойтесь в линейку!

— Как это — в линейку, Ксения Герасимовна?

— По росту.

Начинается катавасия. Особенно взволнован Юра. Он мерится с товарищами, проводя ребром ладони от чужого темени к своему виску, лбу, уху и неизменно оказывается выше ростом. Вот чудеса — этот малыш самый высокий в классе! Со скромной гордостью Юра занимает место правофлангового, но отсюда его бесцеремонно теснят другие, рослые ученики, и он оказывается почти в хвосте. Но и тут не кончились его страдания. Лишь две девочки добродушно согласились считать себя ниже Юры, но, оглянув замыкающих линейку, учительница решительно переставила Юру в самый хвост.

Он стоял, закусив губы, весь напрягшись, чтоб не разрыдаться. А во главе линейки невозмутимо высился толстяк, не знавший ни одного стихотворения. Едва учительница произнесла: «По домам!», как Юра опрометью кинулся из класса и угодил в добрые руки матери. Она всё видела, всё поняла.

— Не горюй, сыночек, ты ещё выше всех вымахашь!..

И как в воду глядела Анна Тимофеевна: выше всех современников вымахал её сын незабываемым апрельским днём 1961 года.

ЖИЛИЩА БОГАТЫРЕЙ

Учительница Ксения Герасимовна сказала, что поведёт их на экскурсию. Она ясно сказала «поведёт», но почему-то всем послышалось «повезёт». Наверное, в самом непривычном слове «экскурсия» заложено что-то будущее мысль о дальних землях, незнакомых городах. Стали думать, куда же их повезут. В Смоленск? Там немцы. В Вязьму? Там тоже немцы. В Гжатск? Он эвакуируется. Неужели в Москву?

Нет, экскурсия предстояла совсем недалёкая — на зады деревни. Тихая гжатская земля, село Клушино и его окрестности не раз оказывались полем ожесточённых битв русского воинства с иноземными захватчиками. А в глубокой старине русские богатыри стояли тут на страже молодого зарождающегося государства россов.

Прямо за околицей учительница показала ребятам невысокую округлённую насыпь, по которой едва заметно вился выложенный камнем желобок — след древней дороги.

— Эти насыпи называются «жилища богатырей», — объяснила Ксения Герасимовна. — Кто знает, почему?..

Ребята молчали.

— Тут богатыри жили? — сообразил Пузан.

— Не просто жили, а русскую землю охраняли. И друг с дружкой перекликались. — Учительница вскарабкалась на насыпь и, поднеся ладонь рупором ко рту, закричала: — Ого-го!.. Спокойно ли у вас, други-витязи?.. Не тревожит ли рать вражеская?

Ветер взметнул и растрепал её седые волосы, но она будто не заметила, к чему-то прислушиваясь. И дождалась ответа — из бесконечной дали глухо, но твёрдо прозвучало:

— Нет покоя нам, други-витязи!.. Тучей чёрной ползёт рать вражеская!..

Но, может быть, Юре Гагарину только почудился сумрачный голос далёкого предка?

Ксения Герасимовна сбегала вниз и подвела ребят к могильному кургану за колхозной ригой.

— Здесь покоятся русские воины, которые в семнадцатом веке гетману Жолкевскому путь на Москву заступили. Страшная была битва. Воевода Дмитрий Шуйский, царёв брат, чуть не всю рать положил. Но и от воинства гетмана не много уцелело. Жолкевский печалился: «Ещё одна такая победа, и нам конец». Так оно после и случилось... А вот скажите, ребята, кто ещё через Клушино на Москву шёл?

— Наполеон!.. — враз вскричало несколько учеников.

— Правильно, Наполеон! Вот какое историческое место наше Клушино, — с гордостью сказала учительница.

— Ксения Герасимовна, а Гитлер сюда не придёт? — спросил Пузан.

— С чего ты взял?

— Беженцы говорят, он уже под Гжатском.

— Москвы Гитлеру не видать как своих ушей, — твёрдым голосом сказала Ксения Герасимовна, уклонившись, однако, от прямого ответа...

— Ну, а к нам? — настаивал Пузан.

Ответа он не дождался. Из-за леса на низком, почти бреющем полёте стремительно вынесся немецкий самолёт и хлестнул пулемётной очередью.

— Ложись! — закричала Ксения Герасимовна.

Дети распластались на земле, где кто стоял. Им отчётливо видны были пауки свастик на крыльях и чёрные кресты на фюзеляже.

Самолёт пошёл на деревню. Громко, отгулчиво забили его крупнокалиберные пулемёты.

— Зажигалки! — крикнула конопатая девочка Былинкина. — Он кидает зажигалки!

Над избами занялось пламя. Столбом повалил чёрный дым.

— Школа горит! — отчаянно крикнул Юра.

Со всех ног ребята кинулись к деревне.

— Стойте!.. Куда вы?.. — тщетно взывала Ксения Герасимовна.

Никто её не слушал, и учительница, подбрав в шаг юбку, припустила вдогон.

Когда они достигли Клушино, воздушный разбойник, сделав своё чёрное и бессмысленное дело, убрался восвояси. Деревня горела с разных концов. Неподалёку от полыхающего здания школы лежала навзничь, головой в лопухи, молодая женщина. Её заголившиеся вывернутые ноги казались чужими телу.

— Дуня... почтальонша...

То была первая убитая в Клушино, и дети не решались к ней подойти. Ксения Герасимовна одёрнула на погибшей юбку и прикрыла ей платком лицо.

От конторы подбежали мужики, с ног до головы испачканные глиной — видать, отлёживались в огороде, — подняли Дуню и унесли.

И тут все услышали плач, прерывистый, взхлёб, похожий на кудахтанье.

На чурбаке, у школьного дровяного сарая, сидела незнакомая девочка и горько плакала, прижимая кулаки к глазам. Ребята окружили незнакомку.

— Ты кто такая? — спросила Ксения Герасимовна, присев на корточки.

Рыдания стали громче.

— Откуда ты, девочка?

Ксения Герасимовна сильно и умело отвела маленькие кулаки. Открылась рыжая пестрядь веснушек, на переносье сливающихся в одну сплошную веснушку. И понадобилось время, чтобы высмотреть нос кнопкой, круглые щёки, капризный рот и чёрные заплаканные глаза. Лицо девочки напоминало апельсин, в который на смех всунули два уголька. И дети сразу оценили это маленькое чудо.

— Вот это да! — восхитился Пузан. — Она пестрее Людки Былинкиной!

— Сравнил тоже! — подхватил чернявый, как жук, Пека Фрязин. — Людке до нее как до небес!

— Помолчите, ребята, — строго сказала Ксения Герасимовна. — Ты откуда, девочка?

— Мясоедовские мы, — по-взрослому ответила та.

— Как тебя звать?

— Настя.

— А фамилия?

— Жигалина.

— Постой, ты не предколхоза дочь?

— Ага!

— А как здесь очутилась?

— Меня мамка привела. К тётке Дуне жить.

— Дуня вам родная?

— Ага. Она тёти Валина дочка.

— А где же твои родители?

— Папка в этом... ополчении, а мамка в госпитале.

Ксения Герасимовна чуть помолчала, что-то соображая внутри себя.

— Слезами горю не поможешь, — сказала она решительно. — Пойдём, будешь со мной жить...

Клушинскую школу перевели в колхозное правление. Сюда же переколотили школьную вывеску.

После уроков, когда ребята гуртом выкатились на улицу, Пузан предложил Пеке Фрязину:

— Эй, Жук, давай из новенькой масло жмать!

— Лучше из тебя жмать, жиртрест! — огрызнулась Настя.

Ей бы помолчать — из новеньких всегда масло жмут, и ничего страшного тут нет, но её насмешка обозлила Пузана, а строптивость — Пеку Фрязина. И «жмать» её стали с излишним азартом.

— Да ну вас!.. Дураки!.. Пустите!.. — кричала Настя. — Да ну вас, черти паршивые!.. — В голосе её слышались слёзы.

Но её вопли лишь придали прыти «давилщикам», они разбегались и враз сжимали девочку с боков. Настя захныкала.

И вдруг, вместо податливого Настиного тела, Пузан встретил чьё-то колючее плечо, ушибся о него рёбрами и отлетел в сторону.

— Ты чего?.. — пробормотал он обиженно, но сдачи не дал, ибо отличался миролюбивым нравом и задевал лишь тех, кто был заведомо слабее его.

А с Юркой Гагариным — известно — лучше не связываться. Вот Пека Фрязин попробовал и

распластался на земле. Вскочил, сжал кулаки и снова запахал носом в грязь. И главное, Юрка не злится вовсе, губы улыбаются, глаза весёлые, блестящие и... опасные. А крепок он, как кленовый корешок. Нет, лучше с ним не связываться. Да и на кой она сдалась, эта конопатая плакса? И Пузан пошёл себе потихоньку прочь, а за ним, ругаясь и грозясь, ретировался отважный Фрязин.

— Не плачь, — сказал Юра девочке. — Они же в шутку. Настя дёрнула носом раз-другой и успокоилась.

— Какой ты сильный! — сказала она восхищённо. — Здорово дал!

— Да это понарошку, — отмахнулся Юра.

Он глядел на её пёстрое черноглазое лицо, и ему было радостно. Он готов был сразиться за неё не с робким Пузаном и задирой Фрязиным, а хоть со всем воинством гетмана Жолкевского.

— Слушай, — сказал Юра, не зная, чем одарить это дивное существо. — Ты видела жилища богатырей?

— Н-нет, — сказала Настя подозрительно.

— Пошли!..

Юра поделился с Настей всем, что имел: жилищем богатырей, могильными курганами бесстрашных русских воинов, старым ветряком, где до революции водились ведьмы, заброшенным погостом — там по ночам мерцали зелёные огоньки, остовом сгоревшего самолёта, полузатонувшего в болоте. Настя принимала эти дары с вежливой прохладцей. Как выяснилось, её родное Мясоедово тоже не обойдено и памятниками русской славы, и таинственными огоньками, и всевозможной нежитью, вот только сгоревшего самолёта не было. К тому же её томили иные заботы.

— Пирожка бы сейчас! — сказала Настя мечтательно. Они сидели на треснувшем, вросшем в землю жернове, возле бывшего обиталища ведьм.

— Оголодала? — с улыбкой спросил Юра.

Настя замотала головой.

— Я сытая. Пирожка охота... У нас каждый день пироги пекли. С яйцами, грибами, капустой, рисом, с яблоками, вишнями, черникой.

— А ты, видать, балованная! — засмеялся Гагарин.

— Конечно, — с достоинством подтвердила Настя. — Я молёное дитя.

— Как это — молёное?

— Папка с мамкой никак родить не могли. И бабка покойная меня у бога вымолила.

— А разве бог есть? — озадачился Юра.

— Только у старых людей. У молодых его не бывает.

— Жалко! — снова засмеялся Юра. — А то бы мы пирожка намолили!

— Посмейся ещё! — обиделась Настя. — Я с тобой водиться не буду.

— Знаешь, — осенило Юру, — пойдём к нам. Мать вчера тесто ставила. Насчёт пирогов — не знаю, а жамочку или пышку наверняка ухватим.

— Пышки с вареньем — вот вкуснота! — плотоядно зажмурилось «молёное» дитя...

...Но пока настал черёд сладким пышкам, им пришлось отведать кисленького. У Гагариных сидела встревоженная и обозлённая Ксения Герасимовна.

— Явились не запылились! — приветствовала она появление дружной пары. — Я тут с ума схожу, а им горюшка мало. Куда вы запропалились?

— Да куда, — подёрнул плечом Юра. — Просто гуляли.

— Дышали свежим воздухом, — уточнила Настя.

— Видали! — всплеснула руками Ксения Герасимовна, и седые волосы её взметнулись дыбом от возмущения. — Воздухом они дышали, поганцы!.. — Она повернулась к Анне Тимофеевне, с укоризной поглядывавшей на сына. — Недовольна я вашим парнем, очень недовольна.

— Чего он ещё натворил? — огорчённо спросила Гагарина.

— Ведёт себя кое-как...

В избу вошёл Алексей Иванович и остановился у печи, чтобы не мешать разговору.

— ...дерётся, товарищей обижает.

— Сроду никого не обижал, — сумрачно проворчал Юра.

— Вспомни, что было после уроков...

— А зачем они с меня масло жмали? — встрела Настя.

— Не «жмали», а «жали», Жигалина, — по учительской привычке поправила Ксения Герасимовна и слегка покраснела. — Прости, Гагарин, я не знала, что ты заступался... Ладно, пошли домой, Настасья!

На столе появился кипящий самовар.

— Может, чайку попьёте, Ксения Герасимовна? — предложила Гагарина. — С горячими пышечками.

— Спасибо, Анна Тимофеевна. Мне ещё гору тетрадок проверять. Бывайте здоровы.

Учительница увела разочарованную Настю, но Юра успел — уже в сенях — вручить своей подруге

кулёчек с тёплыми пышками...